

Аквариум / рассказ

Category: Некаýалар, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Аквариум / рассказ АКВАРИУМ

Комната, пропахшая чем-то кислым. Мутно-желтый цвет стен. Во рту вкус обувной кожи. Олег напрягает последние силы, чтобы глотнуть воздуха. Грудная клетка горит. Легкие разрываются от сгустившейся в них боли. Черт, черт, черт. Он всегда умирает медленно.

К Олегу подходит жена, перекладывает его с одного бока на другой. Горячий сгусток в груди растекается, начинает обглаживать живот, левое плечо. Олег кричит из непонятно откуда взявшихся сил: «Пошла отсюда! Уйди!».

И как она не поймет, что каждое ее появление связано для него с болью. Что его уже не нужно кормить, мыть, с ним не нужно разговаривать. Это нужно живому человеку, а Олега уже сложно так назвать. Пусть не мешает ему умирать.

«А что значит, умереть?», – приходит внезапный вопрос. Он так ни разу и не дошел до этого момента. Возможно, когда он умрет полностью, когда его сердце остановится, он сможет выйти из круга, в котором бегают.

Боль стихает. Тело начинает неметь. Голова примагничивается к подушке, как в детстве она прилеплялась к креслу вращающегося на всей скорости аттракциона. Комната начинает вращаться вокруг него, как тогда вращались деревья и люди. Жена оставляет его тело в покое. По шарканью тапочек он слышит, как она отходит, садится на стул. Раздается громкий дугообразный треск рядом с кроватью. Она просто сидит, не поправляет постель, не кладет руку ему на лоб, не говорит. Олег чувствует приятный, ванильный запах ее кожи даже сквозь кислятину, пропитавшую комнату. «Вот так. Отлично. Дорогая. Это все, что ты можешь для меня сделать».

Примерно раз в месяц отец уходит из дома играть в боулинг с

друзьями. На этот раз Олег попросился вместе с ним. Он ни разу не был в боулинге. Отец согласился, но предупредил: «Олеша, как только мы выйдем из квартиры. Все станет нашим с тобой секретом. Ты ничего не должен рассказывать. Никому». Олег не понял, что такого может быть в боулинге, но секрет для него – дело чести. «Своих не выдаем», – отвечает он. Папа товарищески жмет ему руку.

Они выходят из квартиры и садятся на 23 автобус. Едут через весь город и выходят... на вокзале. Олег удивлен. Как же боулинг?

Отец поглядывает на сына и ухмыляется: «Что, разочарован? Хочешь, поедем обратно, скажем маме, что передумали».

Олег качает головой. Что же отец замышляет?!

В здании вокзала длинное полосатое табло.

«Ну, выбирай куда поедем!» – говорит папа.

На табло нанесены станции: «Двойники, Новопокровка, Неждановка, Росинка, Повозочное, Тельманово, Сергеевка, Носорогово».

Последнее название нравится Олегу. Приходится, правда, ждать целых полчаса. Если бы он знал, то выбрал бы название выше по списку. Но папа покупает шашки, и они успешно «рубят» время. Скоро Олег с отцом уже сидят в электричке, и Олег интересуется «что это за море?», тыкая пальцем в уже и без того заляпанное стекло, за которым проплывает какое-то озеро.

В поселке, куда они приезжают, совсем нет носорогов. Это обычный поселок, с обычными людьми. Олег и его отец проходят по улицам. Где-то играет гармошка и слышится праздничная трескотня. Этот звук не с чем не спутаешь. Особая смесь разговоров, музыки, смеха, стука тарелок и стаканов. Как услышишь сразу ясно – празднуют. Отец решает, что им нужно туда. Он заходит в дом представляется, спрашивает разрешения присоединиться. Их с большой охотой впускают. В комнате одни мужчины, почти все лысые, с татуировками на руках и груди, а у некоторых – даже на голове. Олег рассматривает их и жметя к отцу. Но папа ведет себя очень свободно, включается в разговор с собравшимися.

На столе куча еды. Какое-то мясо, огурцы, хлеб, салаты. Олег скоро перестает бояться. Папина уверенность заражает его, тем более мужчины оказываются вполне себе приятными людьми, то и дело подкладывают еду. Даже хотят налить ему, как взрослому, но отец это пресекает.

Олег объедается и ложится на колени к отцу. Гармонь перестает играть. Один из собравшегося народа, по прозвищу Щука, вытаскивает из кармана странный инструмент похожий на ключ, зажимает его между губами. Внутри ключа – железный язычок, дергая за который, Щука высекает звуки, похожие на слова на непонятном чужом языке. Олег закрывает глаза. Ему представляется, что он сидит на высокой горе и обзревает степь. Всё в степи говорит с ним: травы, камни, птицы, облака, ползущие по небу. Ойойойиоууууи раен рая раен рая раен раен рая раен раен дарарарайдарарайрай... Звуки привязывают его к степи. Олег чувствует, что сознание вытекает из его тела, как вода из сосуда, оно разливается по равнине, просачивается в землю, переплетается с корнями растений. Его голос вклинивается в общую мелодию тттттдарарарайттттдарарайрайтттт... У него с травами, камнями и животными одно тело и одно сознание. На самом деле нет ни трав, ни животных, ни камней, есть только равнина, вбирающая в себя всё.

Нить музыки обрывается. Мужчины начинают разговаривать о чем-то своем и пить. Не то, чтобы они до этого не пили, но объявление: «Нуче, кирять будем?», – звучит только сейчас. «Пап, а что такое кирять?», – спрашивает Олег. Папа объясняет, предостерегая сына не употреблять это слово, особенно в присутствии мамы. Олег с отцом некоторое время сидят с остальными. Когда они выходят из дома, уже вечер. С выпаса гонят коров.

На станции пахнет горячими шпалами, травой и пылью. Олег с удовольствием вдыхает этот запах. Все, что он сейчас видит: маленький деревенский магазин, проходящих коров, женщин в застиранных платьях, задумавшегося отца, людей на платформе – будто выстраивается для него в одну линию. Он видит всё сразу,

не останавливая внимания на отдельных предметах.

– Пап, может, останемся? Дядя Щука завтра, наверное, еще сыграет.

– Нельзя, – улыбается отец, – Мама будет волноваться. А вместе с ней все морги и милиция.

Олег хихикает.

– Что смешного? Мм? – отец щипает его за нос.

Подходит электричка. Они забираются внутрь. Олег садится на место и жадно смотрит в окно на расплывающийся пейзаж.

В комнату залетел голубь. Олег сначала думал, что он находится с той стороны окна. Пока не заметил, что птица сидит на подоконнике рядом с денежным деревом. Повернув голову на девяносто градусов, голубь сквозь тюль уставился на Олега большим рыжим воронкообразным глазом. Олег отвернулся, но продолжал чувствовать на себе этот жуткий птичий взгляд.

«Юля, там был голубь», – хрипит.

Юля улыбается, кивает, будто поняла, о чём он.

Олег шарит глазами по комнате в поисках голубя. Не находит его, но чувствует его присутствие и этот надоедающий взгляд.

«Юль, помнишь, как умирала моя мама? Она все время говорила, что большая птица закрыла окно. Как думаешь, можно умереть? Совсем. Перестать перепрыгивать из одного времени в другое? Как думаешь, сколько жизней я прожил? Сколько их можно собрать. Мне кажется, одни фрагменты я переживаю чаще, другие реже. Знаешь, я не жа...», – его одолевает приступ кашля.

Отдышавшись, Олег продолжает: «Мне нравится эта жизнь, но... что дальше? После того как я умираю, я попадаю куда-то еще? Может я никогда не умирал полностью? Сколько бы я не думал, не могу вспомнить момент своей смерти. Может, если предпринять что-нибудь тогда, в самые последние мгновения, колесо наконец-то остановится... Раньше мы часто разговаривали на такие темы»

Юля опять улыбается. Она протягивает ему руку, которую Олег неожиданно крепко сжимает.

Она пытается вспомнить, каково это умирать. Вспоминает, как застыли ее пальцы, как она лежала вся в чем-то липком и думала, что это бабушкино варенье. Потом видения усиливались, по комнате ходили странные существа, она танцевала, снова лежала на кровати, куда-то падала. Юле казалось, что ее мотает из стороны в сторону. Потом наступало освобождение, покой. Это было самое замечательное ощущение, которое она переживала, несравнимое ни с чем иным. Покой был пустым, там ничего не происходило. Может, этот покой и был смертью? Но даже в тот момент она еще отдаленно чувствовала себя в комнате, где лежала.

Разговор утомляет Олега, он откидывается на подушку и закрывает глаза. Отключаясь, он слышит, как по комнате раздается хлопанье крыльев.

Повезло, он нашел сразу несколько груздей, они вкусные. Папа где-то неподалеку. Олег слышит, как он раздвигает кусты и громко возмущается тем, что грибов нет, вообще нет.

Довольный Олег кладет срезанный гриб в ведро и переходит к следующему. В своей широкой шляпе груздь напоминает мексиканца. Плохо, наверное, быть грибом. Во-первых, никакой определенности, ты ни животное, ни растение. Во-вторых, тебя в любой момент могут срезать и съесть. Уже достаточно для того, чтобы не родиться грибом, но это ещё не всё. Олег как-то прочитал в энциклопедии, что грибы срезают, а не вырывают, чтобы не повредить грибницу, которая находится под землей. Из грибницы потом снова вырастает гриб.

Это что же получается? Тебя режут, едят, а ты потом снова вырастаешь, и всё повторяется? Олег представляет себя грибом, срезаемым и пережевываемым снова и снова.

С этими мыслями, он кладет нож в ведро и, ухватившись за ножку

гриба двумя руками, тянет. Но гриб не хочет поддаваться. Тогда Олег начинает аккуратно расшатывать его в земле. Он вкапывается пальцами в землю, обхватывает гриб у самого основания. Постепенно противник начинает слабеть и в конечном итоге сдает позиции. И вот Олег уже держит в руке безжизненное тело мексиканца, а в воздухе болтаются несколько его тонких ног.

«Зато теперь тебя съедят всего один раз», – подбадривает его Олег, и идет к отцу, уже зная, что ему попадет.

Уложив сына спать, Олег и Юля, сидя на кухне, придумывают способы выхода из этого мира. Им кажется, что законы времени, по которым они живут, существуют только на Земле. Наверное, есть другие, еще не изученные учеными пространства и планеты, которыми управляют другие законы. Самым логичным выходом будет улететь из этого мира в поисках нового дома. А перенести их в другую реальность должны будут голуби. Юля смеется и вытирает слезы ладонью, когда это рассказывает.

– Почему должен быть именно голубь? – спрашивает Олег.

– Это умные птицы. Слышал о почтовых голубях? – отвечает Юля.

– А ты слышала об аистах, которые приносят детей?

– Вот для этого вообще ума не надо! Какая разница, какого ребенка кому принести.

Так всегда. Её не переспоришь.

На случай, если улететь не получится, у Олега возникает ещё один план. Нужно прибиться к кочевникам, к цыганам или монголам. Уж они-то должны знать все лазы и тропки, по которым можно выбраться.

Вечера на кухне с женой, будто погружение в детство. Потом эта маленькая традиция перестанет поддерживаться. Юлю понизят в должности, а Олег станет работать на две ставки, чтобы прокормить семью. С утра он будет мести двор, потом стричь деревья, кусты, газоны в городском парке. Приходить потным и

уоставшим домой, смотреть какую-то дурь по телевизору, плюхаться на кровать. И хоть один бы голубь, которых вокруг полно, предложил вынести его из этого колесообразного мира.

На кровати кто-то сидит, чувствует Олег, ещё не открывая глаза. Как оказалось, это не жена, а черноволосый худой человек в синем тулупе. На голове у него высокая шапка с рыжим мехом, из-под которой свисают длинные черные косы, заканчивающиеся большими металлическими кольцами. Вся его одежда покрыта мелким запутанным орнаментом. Он смотрит на Олега. По его лицу нельзя определить молодой он или старый. Оно неподвижно, только в продолговатых черных глазах происходит какое-то движение. Кажется, что они наполнены жидкостью, которая бултыхается и бьется о глазные впадины.

Незнакомец резко встает с постели и направляется к выходу. Олег тут же, не задумываясь, поднимается и идет за ним. Его внимание привлекает покачивающийся при ходьбе рябой халат: сплетение разноцветных звеньев, морские волны, превращающиеся в рога барана, различные лабиринты, в которых застревает взгляд. Он смотрит в сторону и обнаруживает, что они идут по полю. Тулуп ведет его дальше и дальше, Олег двигается, подхваченный приливом бодрости и надежды. Непонятно с какой стати, но он доверяет этому человеку.

Поле заканчивается. Начинаются горы. Человек в тулупе спокойно шагает по камням, Олег карабкается за ним, обдирая кожу на руках. После долгого взбирания они оказываются на вершине. Она плоская и напоминает кратер вулкана. В середине зияет дыра.

Провожатый ходит по кругу, водя за собой Олега. Вдруг он останавливается, поворачивается и смотрит на своего спутника, тот переводит взгляд вниз и видит, что скала, на которой они стоят оранжевая с прожилками, как глаз голубя, которого Олегу так и не удалось поймать. Пропась в центре то суживается, то расширяется, как зрачок. Провожатый долго смотрит в пропасть

и, как только она максимально расширяется, прыгает. Олег прыгает следом...

Он открывает глаза и видит старое трюмо с тремя зеркалами. Долго смотрит на него, ни о чем не думая. Потом внезапно выныривает из сонного оцепенения и понимает, что находится в своей комнате.

Немного погодя включается боль, он начинает плакать, как ребенок, хныча и колотя руками по постели.

Олег не может вспомнить момент, когда этот человек стал его отчимом. Его никто не предупреждал. Просто однажды он вернулся из школы, а этот человек был в их квартире. Он подарил Олегу резинового, почему-то, зеленого паука. Помялся возле, будто ожидая какой-то реакции, а, не дождавшись, ушел на кухню. Ночью он остался у них, утром наступило воскресенье, и мужчина, как оказалось, дядя Юра, весь день ходил в трико по их квартире, жарил яичницу, смотрел телевизор. И Олег понял, что ему придется к нему привыкнуть.

Вот уже два года они живут все вместе, но Олегу всё ещё кажется, что дядя Юра у них в гостях. Он все так же неловко дарит подарки, как дарят чужим детям, даже если спрашивает что-нибудь о школе, только потому, что так надо, а не потому, что ему интересно. Вообще дядя Юра старается не оставаться с Олегом наедине. А если это происходит, то они оба чувствуют себя неуютно.

Вот и сейчас Олег неохотно возвращается в квартиру, где этот чужой человек занимается своими делами и, как Олегу кажется, всячески мешает ему. Он разувается на пороге, вешает куртку. В квартире тихо и пусто. Какое облегчение. Идет на кухню, достает из холодильника палку колбасы, отрезает два пятнистых кружка, потом отрезает хлеб. С готовым бутербродом идет в зал. Шарит по дивану в поисках пульта, просматривает журнальный стол, тумбы. Наверное, дядя Юра опять утащил его в спальню. Он любит везде разгуливать с пультом, будто это его

собственность. Олег идет туда и застывает у двери.

Мама и дядя Юра лежат на кровати. Он в панталонах, через которые вываливается большой живот. Мамина ночнушка неприлично задрана. Олег быстро закрывает дверь и идет в свою комнату. С отвращением доедает бутерброд. Берет со стола зеленого паука, сжимает его. Ощущение, будто сжимаешь слизняка. Кладет паука на место. По горлу ползет тошнота.

– Это не честно, что ты будешь жить после меня, – говорит Олег.

– Это еще что за здравствуйте?! – спрашивает Юля.

Как всегда, собрание их философского мини-клуба на кухне. Юля наливает ему чай.

– Я завидую всем, кто выходит за границы моей жизни. Люди могут пересекаться, но каждый всё равно существует в своей орбите. И я не знаю, что там «до меня» и что «после».

– Такова жизнь.

– В том-то и проблема. Я устал от такой жизни.

Почему он говорит это сейчас, в самый счастливый момент? У него есть все, что нужно: хорошее здоровье, полноценная семья, работа. Но, наверное, как раз поэтому, он может философствовать, а не переживать, где достать денег для погашения кредита.

– Не может же человек жить вечно, – говорит Юля, откусывая печенье и поддерживая голову ладонью.

Олег смеется.

– Ты хочешь сказать, что мы живем не вечно?

– Ты меня понял, – отвечает Юля.

– Тогда я предпочел бы, чтобы всё это прекратилось.

– Всё? А наша семья? А наш сын?

– Когда-нибудь и ему всё это надоест.

Некоторое время они молчат.

– Постой, – вдруг спохватывается Олег.

– Я лучше посижу, – отвечает она.

– Нет, нет. У меня возникла мысль. Скажи, когда наша жизнь

только начиналась, эпизоды шли по порядку?

Юля задумывается: – Не знаю. Я уже не помню.

– Да-да, это точно... Да и, если рассуждать логически, мы сначала должны были родиться, чтобы что-либо сделать, и созреть, чтобы родить детей... Первый круг должен был быть без скачков.

На кухню выходит маленький мальчик.

– Эй, проснулся? – Юля протягивает к малышу руки.

Ребенок не отвечает. Будто бы итак непонятно, что он проснулся.

– Если бы мы узнали, что произошло после первого круга, почему мы стали прыгать, то может, удалось бы остановить колесо...

– Чёртово колесо, папа? – оживляется мальчик, услышав знакомое слово.

– Видишь, – говорит Олег Юле, – устами младенца...

– Пойдемте кататься на колесе, – не унимается ребенок.

– Не сейчас, малыш, ночь на дворе, тебе нужно спать. А завтра пойдем кататься.

Юля уводит ребенка в комнату. Олег перебирается в зал, ложится на диван, включает телевизор, по которому идет какая-то чушь. Спустя минут десять Юля возвращается, пролезает под его руку, трется головой о его плечо.

– Я так понимаю, возобновлять заседание мы не будем? А я хотел рассказать тебе ещё одну мысль, – говорит Олег, наблюдая, как у Юли закрываются глаза.

– Милый, – тянет она, – любишь же ты себя накручивать.

Олег смеётся.

Комната заполняется водой. Мимо Олега проплывают статуэтки, блокноты, карандаши, прочий хлам. На шкафу в углу сидит голубь и смотрит на него. Вот куда он спрятался.

Олег пытается позвать голубя, и в его горло заползает вода. Он начинает захлебываться, и вода проникает всё дальше и дальше, сворачивается змеей в его желудке. Он чувствует жжение в груди.

Голубь сидит не двигаясь. «Ты должен меня забрать», – думает Олег, вглядываясь в его светящийся глаз, – «Ты должен».

Грудь начинает разрываться. Тело дергается, как будто его кто-то бьет. В голове мелькают какие-то лица, под самым ухом слышатся детские голоса. Через некоторое время голоса исчезают, и тело перестает трястись. Олег чувствует слабость и умиротворение. Боль останавливается.

Он уже давно перестал видеть лица. Какое-то время видел очертания предметов, но вскоре они начали не то, чтобы исчезать, а распускаться, растягиваться, как старый вязаный свитер, пока совсем не потеряли форму. Он больше не о чем не думал, а просто наблюдал за перемещением разноцветных клякс, сталкивающихся, перетекающих друг в друга. Сначала они двигались быстро, затем стали все больше замедляться, как краски в остывающей воде. Они медленно ползли перед глазами Олега. Если бы Олег мог, он бы подумал, что сейчас наконец-то узнает, чем все закончится, куда попадают после смерти. Но ему нечем было подумать. Пятна в последний раз дрогнули и остановились.

Он улыбается, закрывает глаза и начинает засыпать. Краем сознания он ощущает, что его тело отрывается от постели и плывет. Сквозь мутную воду он видит, как к нему летит птица.

«Ты бы сам никогда оттуда не выбрался, хорошо, что я проходил мимо. А то тебя бы всё срезали и ели много-много раз». Он кладет гриб в ведро и идет искать отца.

Вдруг кто-то сзади хватает его. Олег кричит, но увидев отца, тут же начинает смеяться.

– Все, двигаем к машине. Домой пора.

– Папа, может еще пособираем, их тут много.

Отец недоверчиво смотрит в ведро сына.

– Да, действительно, – задумчиво чешет висок, – Где же ты столько насобирал? А это что? Сколько раз тебе говорил, не вырывать грибы. Зачем тебе ножик?! – отец вытаскивает вырванный с корнем гриб.

Олег виновато опускает глаза.

– Ладно. Пойдем к машине, – снисходительно говорит отец.

– Пап, давай ещё пособираем. Я не буду вырывать. Пожаааалуйста, – канючит Олег, оттягивая к земле руку отца.

– Нельзя, Олежа. Мама волноваться будет, а с ней все морги и больницы.

Олег смеется.

Об авторе: ЯНА ДЕМИДОВА

Прозаик, литературный критик. Окончила Томский государственный университет по специальности «Литературное творчество». Публиковалась в журналах «После 12», «Молоко». Участник всесибирского совещания литературных критиков 2017 года. Участник 17 и 18 форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Некауалар